

Переселение старообрядцев-семейских на берега Курбы

В.Ф. Иванов

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова,
ул. Пушкина, 8, Улан-Удэ, Республика Бурятия
klio1976@mail.ru

Статья поступила 20.01.2023, принята 09.03.2023

В статье рассматривается история хозяйственного освоения Забайкалья русскими старообрядцами в XIX в. Применяя хронологический и ретроспективный методы исследования, автор фокусирует внимание на процессах колонизации и освоения территорий в местах первоначального выхода переселенцев, их внутренней миграции. Рассматриваются культурно-бытовые взаимоотношения и внутрисемейные связи с местными старожилами-инородцами. Представлена картина переселения и жизни в новых краях старообрядцев-семейских на основе приведенных в статье фактов переезда крестьян с насиженных мест, освоения целинных земель, борьбы за землю с коренным населением. Показаны итоги освоения новых мест, развития сельских территорий. На основе архивных документов и научных работ освещен процесс переселения старообрядцев-семейских на новые места. Уточнены даты основания новых поселений Унэгэтэй и Хасурта и фамильный состав основателей этих поселений, представлены различные виды генеалогических источников, проанализированы причины и следствия освоения новых земель семейскими переселенцами. Использованные документальные материалы позволяют проследить миграционные процессы и их результаты на разных исторических этапах. Исследование основано на архивных материалах Государственного архива Республики Бурятия, научных публикациях и монографиях российских и сибирских ученых, сборниках и статьях краеведов и музейных работников.

Ключевые слова: Хоринская Степная дума; Кульское отдельное общество; карымы; семейские; оседлые инородцы.

Relocation of the Old Believers-Semey to the banks of the Kurba

V.F. Ivanov

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov; 8, Pushkin St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
klio1976@mail.ru

Received 20.01.2023, accepted 09.03.2023

The article examines the history of the economic development of Transbaikalia by the Russian Old Believers in the XIX century. Applying chronological and retrospective research methods, the author focuses on the processes of colonization and development of territories in the places of the initial exit of immigrants, their internal migration. Cultural and domestic relationships and intra-family ties with local old-timers-foreigners are considered. The picture of resettlement and life in the new lands of the Old Believers-family on the basis of the facts of the peasants moving from their homes, the development of virgin lands, the struggle for land with the indigenous population given in the article is presented. The results of the reclamation of new territories and rural areas are shown. On the basis of archival documents and scientific works, the process of resettlement of Old Believers-family to new places is highlighted. The dates of the foundation of the new settlements of Unegetei and Hasurt and the family composition of the founders of these settlements are clarified, various types of genealogical sources are presented, the reasons and consequences of the reclamation of new lands by family immigrants are analyzed. The used documentary materials make it possible to trace migration processes and their results at different historical stages. The study is based on archival materials of the State Archive of the Republic of Buryatia, scientific publications and monographs of Russian and Siberian scientists, collections and articles of local historians and museum workers.

Keywords: Khorinskaya Stepnaya Duma; Kul separate society; Karyms; Semey; settled foreigners.

Русское население в Забайкалье формировалось, в первую очередь, за счет добровольного переселения крестьян в поисках вольных мест. Второе направление — это миграция сибирского населения из одних обжитых мест в другие малозаселенные места. Третье направление — это казачьи войска, с целью охраны границ и возведения острогов. Четвертое направление —

Забайкалье стало местом ссылки и каторги преступников из Центральной России. Такой способ заселения русскими того времени характерен для всей территории Восточной Сибири. Благодаря этому к концу XVIII в. Западное Забайкалье становится крупным земледельческим районом [1, с. 36]. Главную роль в земледельческом освоении края сыграли выселенные из Польши

Екатериной II семьи русских старообрядцев. В Сибири за ними закрепилось название «семейские», так как, в отличие от одиночных ссыльных, в Сибирь они пришли целыми семьями. В освоении сибирских земель ими была затрачена огромная физическая сила и энергия, выработана целая система трудовых традиций и большого хозяйственного опыта.

Старообрядчество России, в частности Забайкалья, изучено довольно хорошо. Работы И.В. Маковецкого, Г.С. Масловой, М.Г. Тарусской являются результатом исследований, проведенных в 1950–60-х гг. комплексными экспедициями Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Института этнографии АН СССР [2–4]. Монографии местных авторов советского периода представлены учеными Г.И. Ильиной-Охрименко, В.П. Мотицким, М.М. Шмулевичем, Р.П. Потаниной, Ф.Ф. Болоневым [5–11]. В данное время этой теме посвящены работы В.М. Пыкина, В.Л. Кляуса, А.В. Кострова, С.В. Бураевой, С.В. Васильевой [12–16]. Подробно изучены религиозные, семейно-бытовые, фольклорные и другие стороны жизни старообрядцев, прослежена история основания и развития больших старообрядческих поселений. А вот истории переселения семейских в другие места, его причина еще изучена недостаточно. Нет научных работ об образовании семейских сел более позднего происхождения, например, Мухор-Тала Заиграевского района, Новодесятниково Кяхтинского района, Леоновка Кижингинского района и многих других. Совсем не освещена тема заселения старообрядцами Кульского отдельного общества. Некоторый пробел в этом плане заполняют работы В.А. Байбородина «Тракт подле Яравня-озера» и Ф.Ф. Болоневы «Амурская эпопея в XVII и XIX веках. Переселение старообрядцев (семейских) на восток России» [17; 18].

В Забайкалье старообрядцы подселялись в русские старожильческие селения, которые были основаны задолго до прибытия семейских. В дальнейшем они стали крупными населенными местами Забайкалья – Тарбагатай, Куйтун, Большой Куналей, Бичура, Десятниково и др. Некоторые села основаны самими старообрядцами, такие как Новая Брянь, Новый Заган, Харауз, Никольск. Но уже к началу XIX в. стал ощущаться нехватка земли под застройку и возделывание пашен. Семейские крестьяне начали попытку поиска новых свободных земель. Так, из больших густонаселенных селений отпочковалось множество других сел и деревень. География расселения семейских стала расширяться. Семейские срывались с насиженных мест и с семьями, скотом и всем скарбом переезжали на новые места. Из крупного селения Бичура были основаны деревни Новостретенка,

Покровка, Петропавловка. Большекуналейцы основали из своих заимок села Калиновка и Верхний Сутай. Село Ягодное Селенгинского района образовано переселенцами из села Тарбагатай. Куйтунские старообрядцы основали ряд деревень – Брянь, Унэгэтэй, Николаевский, Хасурта.

Так в начале 1828 г. крестьяне-старообрядцы Куйтунской слободы Тарбагатайской волости в количестве 22-х душ изъявили желание поселиться в Кульском отдельном обществе, так как население Куйтуна стремительно росло, а пахотной и сенокосной земли не хватало. «Кульское общество, состоящее из 14 селений с 347 душами, находилось в зависимости от Тарбагатайского волостного правления, расположенного от некоторых сел Кульского общества на расстоянии около 300 верст» [7, с. 39]. В своей деятельности Сборная изба подчинялась Верхнеудинскому земскому суду Верхнеудинского уезда Иркутской губернии. Позднее Кульское отдельное общество, вместе с Верхнеудинским уездом перешли в ведомство Забайкальской области, которая в 1851 г. выделилась из Иркутской губернии. Кульское отдельное общество позднее стало Кульской волостью (в 1833 г. сельский сход крестьян Кульского отдельного общества вынес решение с ходатайством о переименовании отдельного общества в волость, а сборные избы – в волостное правление). Известный исследователь истории семейских Ф.Ф. Болонев отмечал, что «Кульское отдельное общество хотя и называлось отдельным, но, судя по документам, имело тесные связи с Тарбагатайской волостью, а частично и с Мухоршибирской, так как пополнение ее населения велось из этих волостей» [18, с. 134]. Не были исключением и населенные пункты Курбинской долины. В селениях Курбинского отдельного общества проживали крещеные оседлые инородцы Хоринского ведомства, так называемые ясашные, или просто, по-местному, карымы. Эти же села постепенно дополнялись русскими государственными крестьянами Тарбагатайской и Мухоршибирской волостей. Весной 1828 г. группа крестьян-старообрядцев по причине малоземелья изъявила желание переселиться из села Куйтун на более свободные земли по берегу р. Курбы. Указом Иркутской казенной палаты от 28 июля 1828 г. крестьяне в числе 22-х душ были перечислены в Хасуртаевское и Унэгэтэйское селения [19, л. 46]. Главами семейств в селении Унэгэтэйском были Семен Филатов, Михаил Потемкин, Иван, Леон и Родион Спиридоновы, Василий Кровцов, Парамон Козлов, Евстафий Похомов, Тимофей Колесников, Гаврила Ерофеев, Кондратий Устинов [20, л. 51]. Семейские подселились к местным старожилам – карымым. Летом этого же 1828 г. вторая партия куйтунских старообрядцев перекочевала на таежную речушку Хасуртай и также подселась к

местным инородцам. Главами этих семейств были Яков Казазаев, Лазарь Кожевников, Федот Абрамов, Федор и Андрей Ивановы. Предводителем и инициатором этого переселения был уставщик Яков Казазаев.

Позднее, к обжившимся переселенцам стали переезжать новые семьи старообрядцев. Так к братьям Спиридоновым на жительство в Унэгэтэй переехал четвертый брат Влас с семьей. Вместе с ним туда прибыли семьи Никифора и Якова Шурыгиных. Тружеников-земледельцев привлекали просторы курбинской долины, где было много пригодной земли для выпаса скота и хлебопашества. Река Курба, в которой водилось множество рыбы, была верной помощницей для земледельцев в проведении оросительной системы, а на ее притоках можно было строить водяные мельницы. Совсем рядом, за огородами, шумела кронами могучих деревьев вековая тайга.

Причины переселения куйтунских крестьян на берега Курбы можно рассматривать по-разному. По преданиям старожилов, население с. Куйтун стремительно разрасталось, хлебопахотной и сенокосной земли стало не хватать. Вот и отправились в Курбинскую долину «искать свое Беловодье», сказочную благодатную страну. Хотя и свободными, и плодородными курбинские земли очень трудно назвать. Вся окрестная земля принадлежала кочевым бурятам или местным оседлым инородцам. А суровый горно-таежный климат с ранними заморозками неблагоприятно влиял на успешное земледелие. Второй причиной, которая заставила крестьян покинуть прежние обжитые места, является проблема взаимодействия старообрядцев с государственной властью. Так в начале 1828 г. (в год переселения куйтунских семей на берега Курбы), Тарбагатайское волостное правление ведет переписку с судами, где фигурируют куйтунские крестьяне, впоследствии изъявившие желание переселиться на речку Хасуртайку. Так Яков Казазаев и Лазарь Кожевников губернским судом в январе 1828 г. обвинялись в конокрадстве [21, л. 1].

Верхнеудинским земским судом 5 февраля 1828 г. был привлечен к ответственности Федот Абрамов за неуплату денег итанцинским крестьянам за две бочки соленых омулей [22, л. 61].

Причиной переселения в Кульское общество Андрея Иванова, возможно, являлось уклонение от рекрутской повинности. В списки рекрутов он попал по Тарбагатайской волости в мае 1828 г. [23, л. 13]. Учитывая то, что «дарованной высочайшею льготою от поставки рекрутов в течение трех наборов» освобождали крестьян, желающих переселиться на другое место жительство, Андрей Иванов также примкнул к партии переселенцев-односельчан на хасуртайские земли, тем самым избежав воинской повинности сроком в 25 лет.

«Переселение осуществлялось из родного села на лошадях, телегах, санях, если кочевали в зимний период, но чаще из-за малоснежья использовали колесный транспорт. Как писал Риддер, применяли одноколки, т. е. транспортное средство с оглоблями, кузовом, с одной осью и двумя колесами, но семейские Тарбагатайской волости применяли для перевозки грузов телеги с четырьмя колесами и с длинными одрами, на которые можно было нагрузить больше вещей, предметов, орудий труда, посуду, бочонки, необходимую мебель и прочее. В дорогу брали все самое необходимое, ведь переезд длился несколько суток, но с расчетом на дальнейшее устройство жизни в незнакомом месте. Иногда переезд совершали в двух, трех повозках, занимая при этом у своих соседей или знакомых» [18, с. 10, 11].

За короткий срок времени летне-осеннего периода новоселами были выстроены жилые дома. Напротив каждого дома, через дорогу, ближе к речке, располагались огороды и бани по черному. Дальше, за речкой, крестьяне начали выкорчевывать пни, оставшиеся от строительства своих жилищ, и огораживали жердями небольшие пастбищные территории, называемые «телятники». В них население содержало телят и молодняк, таким образом спасая их от волков и медведей в глухой тайге. Так постепенно тайга отступала от маленького таежного поселения, образуя «большую поляну, местами еще с не выкорчеванными пнями» [24]. Семейские принесли с собой приемы традиционной застройки русской крестьянской усадьбы. В комплекс переднего двора входили дом, иногда зимовье, амбар, погребница, навес для телег, саней, другого инвентаря. На скотном дворе находились стойки, омшанник, хлев, сарай для лошадей, сеновал, риги. Вся усадьба огораживалась высоким забором, который назывался «заплотом». За задним двором располагались покосы. Земля, конечно же, с очень большим трудом была уступлена старообрядцам местными оседлыми инородцами. Между карьмами и семейскими этих двух селений началась вражда и постоянные стычки по земельным вопросам. Оседлые инородцы Курбинского отдельного общества начали подавать жалобы и прошения в хоринскую Степную думу об отчислении от них новопоселенных крестьян в другое селение или даже в другую волость [25, л. 7].

31 марта 1832 г. хоринская Степная дума предписала старосте Курбинского отдельного участка Мурзину срочно выяснить положение дел по наделению крестьян землей и донести хоринской Степной думе и Иркутскому генерал-губернатору [26, л. 726]. Дело шло медленно, крестьяне-переселенцы продолжали строиться, обзаводиться хозяйством. Им нужна была земля

для пашен и покосов, которую на первых порах они арендовали у местных инородцев.

Страсти по земельным вопросам у жителей Курбинской долины не утихали на протяжении всего XIX в. Начиная еще с самого образования этого общества, первой и одной из важных проблем было недостаточное наделение участками пахотной и сенокосной земли.

Приговором заседания Онинской конторы 11 хоринских родов от 29 июля 1815 г. «Об отводе земель для крещеных ясашных» на 191 душу приведенных к оседлости бурят были выделены плодородные участки земли по берегу р. Курбы с ее притоками Ару-Хасуртай и Ару-Уньгытей [27, л. 1 об.]. Осваивая целинные земельные участки, орошая обширные луга, первые жители Курбинского общества жили безбедно, вдоволь пользуясь своими земельными наделами. С годами их общество пополнялось вновь причисленными семьями крещеных инородцев, с которыми приходилось делиться отмежеванной землей. В первые годы совместного проживания прибывших крестьян с местными жилось мирно и терпелось оседлыми инородцами. Читинским землемером Булатовым по распоряжению казенной палаты излишки инородческих земель на Курбе были отмежеваны крестьянам Унэгэтэйского и Хасуртаевского селений. Но со временем семейские-старообрядцы, испытывая недостаток плодородных земель, начали самостоятельно производить захват пахотных и сенокосных участков. Выкашивались лучшие травы на лугах, поднималась целина на черноземных местах.

В декабре 1831 г. оседлыми инородцами этих селений была подана жалоба в верхнеудинский земский суд о самовольном захвате земель пришлыми крестьянами. Указом от 8 января 1832 г. за № 249 заседателем Козловым было предписано наделить прибывших крестьян участками земли из фондов Кульского крестьянского общества [28, л. 7]. Земельных излишков у крестьян Кульского общества не оказалось, и старообрядцы-переселенцы из Куйтуна остались в прежнем жительстве, с острой проблемой земельных наделов. Указом верхнеудинского земского суда от 10 октября 1835 г. за № 13883 вновь было поручено заседателю Пляскину наделить жителей Курбинской долины необходимыми участками земли. На основании Высочайше утвержденного 22 августа 1818 г. мнения Государственного совета оседлым инородцам полагалось по 30 десятин на душу, а крестьянам-старообрядцам – по 21 десятине [29, с. 74, 75].

Но, несмотря на проведенное межевание земель и наделение жителей узаконенной порцией земли, недовольство крещеных инородцев сохранялось. Они были не согласны делиться землей с крестьянами. Летом 1840 г. доверенные от оседлых Ксенофонт Мильгунов, Иван Мартынов, Лавр,

Иван и Гавриил Мурзины поехали в Иркутск с жалобой губернатору о самовольном захвате земель. 6 августа 1840 г. иркутский гражданский губернатор дал предписание главному хоринскому тайше Иринчин-Доржи Дымпилову разобраться в этом деле [30, л. 149, 150]. Тайша Дымпилов прибыл в Курбинские селения и 9 августа 1840 г. собрал общий сход оседлых инородцев и крестьян. Была составлена «Миролюбная», которую «нам хранить с обеих сторон свято и нерушимо» [31, л. 157].

Но через год, в очередную уборочную, отношения между крестьянами-старообрядцами и оседлыми инородцами вновь обострились. Губернатор Восточной Сибири вновь поручил земскому суду разобраться в противостояниях двух обществ. В июле 1841 г. верхнеудинский земский суд отрядил своего заседателя Аверкиева в Уньгытейское и Хасуртаевское селения для дальнейшего убеждения и уговора к скорейшему примирению противоборствующих сторон в земельных спорах. Его сопровождал сам главный тайша хоринских бурят Ринчин-Доржи Дымпилов. При беседе с местным населением, прямо на мирском сходе, озлобленные и разъяренные мужики набросились на заседателя Аверкиева с кулаками и сильно побили его [32, л. 19]. Крестьяне-старообрядцы готовы были даже выкупить у местных инородцев землю или взять ее в аренду. Весной 1842 г. семейский крестьянин Яков Казазаев обратился с прошением в иркутскую казенную палату о выделении ему в оброк сенокосной земли. 10 февраля 1845 г. из Иркутска он получил отказ, основанный на том, что все эти земли принадлежат хоринским инородцам [33, л. 1, 2]. В сенокосную страду 1843 г. оседлые карымы Хасуртаевского села предъявили взыскание проживающему в селении семейскому крестьянину Федоту Абрамову денег за выкошенное и вывезенное сено с инородческой земли [34, л. 2].

Осенью 1847 г. верхнеудинский земский суд вновь предпринял попытку уладить спорный земельный вопрос жителей двух селений, куда был откомандирован зауряд-хорунжий Милютин. Ему удалось заключить миролюбивое соглашение между враждующими сторонами [35, л. 6].

Обремененные тяжелейшими условиями договора, семейские крестьяне, благодаря их природному упорству и трудолюбию, до поры до времени были вынуждены сносить все тяготы и обиды, приносимые им оседлыми инородцами. А те не очень и старались преуспевать в хлебопашестве, у них больше в почете было скотоводство, охота и рыбалка. Семейские на этот счет говорили: «Охотиться да удить, ничего не прибудет. Надо хлебушко растить».

В борьбу по земельному вопросу было втянуто не только светское общество, но и местное духовенство.

В отчете местного священника-миссионера о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1890 г. отмечалось, что «тягота служения усиливается здесь еще борьбою с господствующим здесь расколом, давно-давно свившим здесь прочное гнездо. Миссионер священник Александр Попов вынуждается к посредничеству между крещеными инородцами и раскольниками по делу захвата последними лучших угодий у крещеных инородцев. В отчетном году раскольникам удалось сделать несколько новых подобных захватов» [36].

Только в 1894 г. Читинским окружным землемером В. Нефедьевым был составлен проект раздела земель. Причем с обоюдного согласия, оседлые инородцы и крестьяне Хасуртаевского селения остались в общем пользовании, а унэгэтэйские же крестьяне разделились с оседлыми инородцами [37, л. 9]. Унэгэтэйцы долгое время жили обособленно друг от друга. «Разделенные между собой большим пустырем, что был в районе Целинского переулкa, и воротами, долгие годы унэгэтэйцы жили непримиримыми соседями. В каждом краю были свои мельницы, зерносклад, сельский экономический магазин, кузница, церковь, школа и свой староста» [38, с. 85].

В течение всего XIX и начала XX столетий, несмотря на протесты жителей, на берег р. Курбы продолжали прибывать на поселение новые семьи крестьян, одиночные ссыльные, бродячие и каторжане.

Извечная проблема куйтунских крестьян в нехватке земли продолжала вынуждать их срывать с своих насиженных мест и искать новые земли. Житель этого села Иван Никитыч Дмитриев обратился к крестьянам Унэгэтэйского селения принять его в их общество. Решением схода жителей села Унэгэтэй от 14 февраля 1855 г. Дмитриевы были приняты в их общество [39, л. 205]. Семья Дмитриевых прожила в Унэгэтэе до 1858 г., и при образовании села Новая Курба переехали туда на постоянное место жительства, получив свой земельный надел.

12 октября 1857 г. крестьянин Старобрянского селения Викул Севостьянович Солдатов обратился в областное правление с просьбой о перечислении его с семейством в Уныгытейское селение [40, л. 85]. Летом 1858 г. крестьянин села Надеино Тарбагатайской волости Савелий Ефремов Хомяков обратился в Верхнеудинское областное правление с просьбой о перечислении его в Новокурбинское селение Кульского отдельного общества (т. е. в с. Унэгэтэй) [41, л. 26]. В 1866 г. в рекрутских списках Унэгэтэйского селения уже числились его повзрослевшие сыновья: «Савелий Ефремов Хомяков — 57 лет; его сыновья Алексей — 27 лет, Иван — 21 год, Парамон — 2,5 года, умер в 1861 г. Семейство перечислено из Тарбагатайской волости в 1858 году» [42, л. 10].

В 1862 г. к Хасуртаевскому крестьянскому обществу Кульским волостным правлением приписали крестьян-старообрядцев Жириковского селения Тарбагатайской волости Ульяна Ивановича Русина и его жену Степаниду Кирилловну [43, л. 73]. За 1866 г. в Хасуртаевском селении значится «Ульян Иванов Русин, перечисленный из Тарбагатайской волости в 1862 году» [44, л. 15].

В начале 1870-х гг. из семейского села Тарбагатай в Унэгэтэй прибыл отставной унтер-офицер царской армии Артемий Куприянович Чебунин. В мае 1873 г. он купил в Унэгэтэе себе дом, женился, обзавелся хозяйством [45, л. 57].

В эти же годы в Унэгэтэйском селении появились семьи старообрядцев Алексеевых. В июне 1876 г. по запросу староста селения Большой Куналей о месте проживания крестьянина Никиты Алексева информировал, что «я и мое семейство, по добровольному моему перечислению в 1852 году на Оянский тракт Якутской области, в Павловское селение. Сейчас же причислен в Кульское общество в Уныгытейское селение в 1866 году» [46, л. 71].

Земли катастрофически не хватало, и после распределения погрядных земельных площадей читинским землемером В. Нефедьевым 10 июня 1894 г. провели сельский сход и своим приговором «постановили новых присельщиков в Хасуртай без согласия общества не принимать» [47, л. 2]. В дальнейшем еще не раз сельчане возвращались к этому насущному вопросу и не хотели делиться своими скудными наделами земли с новопоселенцами. Так 25 мая 1903 г. на сельском сходе жителей села Хасуртай, был вновь вынесен приговор о том, что «на будущее время без согласия сельского схода новых посельщиков не принимать и пяди земли не давать...» [48, л. 12].

Но окружающая действительность с ее бытовыми невзгодами и семейными проблемами иногда приводила крестьян к изменению своих решений. Приговором сельского схода от 25 июня 1901 г. в Хасуртаевское сельское общество был принят на постоянное жительство молодой старообрядец из Погромнинского селения, по призыву 1894 г. уволенный в запас солдат нижнего чина Василий Сергеевич Тимофеев [49, л. 12]. Он положил начало роду Тимофеевых на новой хасуртайской земле, чья жизнь и судьба представляет некоторый интерес в истории села Хасурта. Василий Тимофеев являлся незаконнорожденным сыном новокурбинской крестьянки Василисы Ивановны Дмитриевой. Ее родители-староверы, узнав о том, что дочь беременна, выгнали ее из дома. Она переехала в село Погромное, где 24 февраля 1874 г. родила мальчика Васю и 25 марта крестила его по православному обряду в укырской Спасской

церкви [50, л. 66]. В 1875 г. Василиса Дмитриева вышла замуж за старообрядца единоверческого прихода селения Погромное Сергея Васильевича Тимофеева, переселившегося когда-то из села Тарбагатай. Он усыновил незаконнорожденного Василия, дал ему свою фамилию и отчество. В совместном браке у Тимофеевых родились сыновья Евсей и Николай. Отец их Сергей Васильевич Тимофеев умер 4 декабря 1880 г. в 30-летнем возрасте. Мать Василиса Ивановна повторно вышла замуж в село Новая Курба за ссыльнопоселенца Григория Бороздина и родила от него еще одного сына Александра. В конце своей жизни одинокая престарелая мать Василиса, оставшись без средств существования, в марте 1912 г. написала жалобу крестьянскому и инородческому начальнику 15 участка Верхнеудинского уезда, в которой изъяснялась, что «мне весьма трудно жить без всякой поддержки своих сыновей, которые, несмотря на все мои личные просьбы к ним о пособии, от всего уклоняются и не желают оказать мне совершенно никакой поддержки в материальных средствах как своей родной матери...» [51, л. 47]. Заботы о престарелой матери выпали на долю старшего сына Василия. В Хасурте он построил себе четырехстенный дом, женился на местной староверке Ивановой Анне Артемовне. У них родились дети Ефрем, Вера, Анна, Нефед (погиб в годы Великой Отечественной войны). Ефрем Васильевич женился на новокурбинской крестьянке Солдатовой Агафье Васильевне, участник Великой Отечественной войны, умер от ран в 1945 г. Василий Тимофеев по возрасту не подлежал призыву на фронт, но по мере своих сил помогал колхозу в тылу, работал сторожем на полеводческих базах. Умер в 1945 г. Солдатская вдова Агафья Васильевна, крепкая и очень выносливая женщина, добросовестно трудилась в колхозе «Победа». В годы войны являлась звеньевой на полеводческих работах. Так называемое «ефремовское звено» было известно

далеко за пределами Хоринского аймака. Неустанный труд и физическая закалка позволили Агафье Васильевне Тимофеевой прожить долгую жизнь.

Куйтунские крестьяне-переселенцы притеснялись в отводе земли под строительство, поэтому нередко на одной усадьбе приходилось строить свои дома двум братьям или отцу с сыном. Поэтому улицы сел Унэгэтэй и Хасурты до сих пор имеют плотную скученную застройку домов с узкими длинными улицами. Протяженность центральной улицы Уныгытея составляет 7 км, а центральная улица Хасурты – 4 км. В большем случае дома до наших дней сохранились старинные, пятистенки и связи, которым более 100–150 лет. Подтверждением тому служат вырубленные топором на кронштейнах и фасадах даты возведения старообрядческих построек.

За все время истории проживания семейских за Байкалом они расселились не только по всему Западному и Восточному Забайкалью, но и освоили обширную территорию Амура, Приморья, Якутии и других мест. В данное время численность староверов-семейских насчитывает около 250 тыс. чел. За долгое время в этой конфессиональной группе сложился культурно-хозяйственный и религиозно-бытовой уклад жизни, этнокультурное своеобразие, которые выделяют их в отдельную этнографическую группу среди русского населения Восточной Сибири. Достаточно сказать, что в мае 2001 г. традиционная культура семейских Забайкалья признана шедевром устного и нематериального наследия ЮНЕСКО. Вместе с объявлением культурного пространства семейских мировым шедевром в последнее время разработан ряд конкретных мероприятий, направленных на сохранение исторического и культурного наследия старообрядцев. Академик Д.С. Лихачев отмечал, что старообрядчество России – это «живой остаток древней русской культуры, сохранивший ее замечательные достоинства».

Литература

1. Болонев Ф.Ф. Сокровища земли Тарбагатайской: очерки истории и культуры. Улан-Удэ; Иркутск: Медиаинформ, 2012. 218 с.
2. Моковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища Забайкалья. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть II. Забайкалье. Новосибирск, 1975. 160 с.
3. Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX-XX вв.). Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть II. Забайкалье. Новосибирск, 1975. 160 с.
4. Тарусская М.Г. Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть II. Забайкалье. Новосибирск, 1975. 160 с.
5. Ильина-Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья XIX-XX веков. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 88 с.
6. Мотицкий В.П. Забайкальское старообрядчество: прошлое и настоящее (XVIII-XX вв). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 80 с.
7. Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII - середина XIX в. Новосибирск: Наука, 1985. 287 с.
8. Потанина Р.П. Свадебная поэзия семейских Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 159 с.
9. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. М.: ИПЦ «ДИК», 2004. 352 с.
10. Болонев Ф.Ф. Семейские. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 224 с.
11. Болонев Ф.Ф. Семейская живая старина за Байкалом. Улан-Удэ: ООО «НоваПринт», 2015. - 424 с.

12. Пыкин В.М. Наследники огнепального протопопа. Фамильный состав семейских 1768-1919 гг. Улан-Удэ: ООО «НоваПринт», 2021. 175 с.
13. Кляус В.Л. К изучению локальной заговорной традиции семейских Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы III Междунар. науч.-практической конф. (26-28 июня 2001 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. С. 256-259.
14. Костров А.В. Старообрядцы Байкальской Сибири в начале XX века. Иркутск: Оттиск, 2009. 68 с.
15. Бураева С.В. «Богодухновенные книги» старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 98 с.
16. Васильева С.В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVIII- начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 233 с.
17. Байбородин В.А. Тракт подле Яравня-озера. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 159 с.
18. Болонев Ф.Ф. Амурская эпопея в XVII и XIX веках. Переселение старообрядцев (семейских) на восток России (XVIII- начало XX века): моногр. Новосибирск, 2013. 249 с.
19. Указы, предписания Кульской сборной избе // Гос. архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф-207. Оп. 2. Д. 83. Л. 46.
20. Разная переписка по Тарбагатайской волости // ГАРБ. Ф-207. Оп. 1. Д. 80. Л. 51.
21. Прошения, жалобы, заявления по Тарбагатайской волости // ГАРБ. Ф-207. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
22. Дело о происшествиях по Тарбагатайской волости // ГАРБ. Ф-207. Оп. 1. Д. 48. Л. 61.
23. Рекрутский набор крестьян Тарбагатайской волости // ГАРБ. Ф-207. Оп. 1. Д. 1633. Л. 13.
24. Глуховцев В.В. Селение Хасуртай. Социально-экономический очерк // Забайкалье. 1902. № 38 (17 февр.).
25. Дело о решении спорных вопросов по земле среди крестьян и инородцев // ГАРБ. Ф-8. Оп. 3. Д. 89. Л. 7.
26. Жалоба оседлых инородцев по земельному спору // ГАРБ. Ф-8. Оп. 2. Д. 236. Л. 726.
27. Личный архив Цыбена Жамцарановича Жамцарано (1881-1942 гг.) - российского учёного-востоковеда первой половины XX в. // Архив БНЦ СО РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.
28. Споры по земельным вопросам жителей Курбинского общества // ГАРБ. Ф-8. Оп. 3. Д. 89. Л. 7.
29. Куломзин А.Н. Материалы комиссии по исследованию землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. 305 с.
30. Жалобы, прошения, обращения граждан по Хоринскому ведомству // ГАРБ. Ф-8. Оп. 1. Д. 973. Л.149, 150.
31. Жалобы, прошения, обращения граждан по Хоринскому ведомству // ГАРБ. Ф-8. Оп. 1. Д. 973. Л. 157.
32. Дело Верхнеудинского земского суда о избииении инородцами заседателя Аверкиева // ГАРБ. Ф-180. Оп. 2. Д. 5202. Л. 19.
33. Дело о наделении оброчной землёй крестьянина Казазаева // ГАРБ. Ф-180. Оп. 1. Д. 653. Л. 1, 2.
34. Дело о жалобе оседлых инородцев на крестьянина Абрамова // ГАРБ. Ф-180. Оп. 1. Д. 978. Л. 2.
35. Дело по спору земельного вопроса в Верхнеудинский Земский суд // ГАРБ. Ф-337. Оп. 1. Д. 820. Л. 6.
36. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1890 год // Иркутские епархиальные ведомости. 1891. Вып. № 41. С. 13.
37. Проект раздела земель Хасуртаевского и Уныгытгейского селений Кульской волости // ГАРБ. Ф-173. Оп. 1. Д. 203. Л. 9.
38. Махачкеев А.В. Карымы Бурятии. Улан-Удэ: Нова Принт, 2018. 85 с.
39. Перечисление крестьян на жительство из одной волости в другую // ГАРБ. Ф-8. Оп. 1. Д. 859. Л. 205.
40. Прошения крестьян о перечислении на жительство // Архив Читинского краевого музея. Ф-12. Оп. 1. Д. 13. Л. 85.
41. Жалобы, прошения, обращения граждан // ГАРБ. Ф-207. Оп. 2. Д. 320. Л. 26.
42. Рекрутские списки по Кульской волости // ГАРБ. Ф-396. Оп. 1. Д. 153. Л. 10.
43. Дело о переселении крестьян из одной волости в другую // ГАРБ. Ф-169. Оп. 1. Д. 159. Л. 73.
44. Дело о воинской повинности по волостям Забайкальской области // ГАРБ. Ф-396. Оп. 1. Д. 153. Л. 15.
45. Дело о воинских чинах, прибывших в запас // ГАРБ. Ф-169. Оп. 1. Д. 218. Л. 57.
46. Дело о причислении крестьян Алексеевых из Аянского тракта в Кульское общество // ГАРБ. Ф-169. Оп. 1. Д. 285. Л. 71.
47. Приговоры и постановления сельских сходов по Кульской волости // ГАРБ. Ф-79. Оп. 1. Д. 821. Л. 2.
48. Постановления, решения, приговоры сельских сходов по Верхнеталецкой волости Верхнеудинского уезда // ГАРБ. Ф-79. Оп. 1. Д. 831. Л. 12.
49. Посемейные списки крестьян Погромнинского селения // ГАРБ. Ф-79. Оп. 1. Д. 821. Л. 12.
50. Метрические книги Укырской Николаевской церкви // ГАРБ. Ф-173. Оп. 1. Д. 440. Л. 66.
51. Жалобы, прошения крестьянскому начальнику 1-го участка Верхнеудинского округа // ГАРБ. Ф-78. Оп. 1. Д. 198. Л. 47.
52. Указы, предписания, жалобы Верхнеудинского нижнего суда // ГАРБ. Ф-79. Оп. 1. Д. 831. Л. 12.